

Л. В. Иванова

### ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

**Аннотация:** в статье рассматривается эволюция понятия исполнителя преступления как одного из соучастников преступления. Анализируется его регламентация в правовых актах Древней Руси, дореволюционной России, советского периода.

**Ключевые слова:** исполнитель преступления, соучастие, история уголовного права

**Annotation:** Evolution of concept of the executor of a crime as one of accomplices of a crime is considered in the article. Its regulation in legal certificates of Ancient Russia, pre-revolutionary Russia, the Soviet period is analyzed in the article.

**Key words:** The executor of a crime, complicity, criminal law history.

Категория «исполнитель преступления» рассматривается традиционно при изучении института соучастия в преступлении. Еще Н.С. Таганцев писал, что «действие, učinённое исполнителем, или сумма его действий определяют, по общему правилу, юридический характер всего совершённого соучастниками; исполнители представляют центральный пункт соучастия [5, с. 586]».

Остановимся на истории развития данной уголовно-правовой категории, ведь понимание исполнителя преступления сложилось в российском уголовном праве не сразу.

Первый кодифицированный нормативный правовой акт Древнерусского государства – Русская Правда (XI – XIII вв.), открытый в XVIII в. русским историком В.Н. Татищевым и дошедший до нашего времени в трёх основных редакциях: краткой, пространной и сокращённой. В целом Русская правда отразила становление феодальных отношений на Руси [1, с. 298-299]. Краткая редакция подготовлена была не позднее 1054 г. Из текста данного акта видно, что Русская Правда знает уже институт соучастия, хотя и не называет его, и не выделяет видов соучастников. В случае совершения преступления несколькими лицами, каждый подлежал наказанию – штрафу. Так, ст. 31 гласит: «а иже крадеть либо кон(ь), либо волы, или клеть, да аще будеть един крал, то гривну и тридесят резан платити ему; или их будеть 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеви» [3, с. 48]. Ст. 40 также говорит о совершении преступления, несколькими лицами: «аже украдутъ овьцу, или козу, или свинью, а их будеть 10 одну овцу украве, да положить по 60 резан продажи; а хто изимал, тому 10 резан» [3, с. 49].

Следует отметить, что в тексте ст. 31 имеется неточность в указании размера штрафа: в случае совершения преступления одним человеком – одна гривна 30 резан, а в случае, если воров несколько, то каждый платит по 3 гривны 30 резан. Вероятно, что в случае совершения кражи одним лицом, штраф был установлен также в 3 гривны 30 резан [3, с. 61].

В Пространной редакции Русской правды, возникшей не ранее 1113 г., сохранились статьи о совершении кражи несколькими лицами. В частности, в ст. 41 указывается «аже крадеть кто скот в хлевѣ или клеть, то (о)же будеть один, то платити ему 3 гривны и 30 кун; будеть ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платит(и). Аналогичные положения содержатся и в ст. 42, 43 [3, с. 67]. Как видно, в отличие от Краткой редакции Русской правды, где указывалось на числовое значение лиц, совершающих преступление (18, 10), в Пространной редакции уже не проводится числовой конкретизации. По-прежнему не про-

водится разграничения на виды соучастников, и каждый из воров подлежал равному наказанию. На наш взгляд, в это время не выделяются виды соучастников в совершении конкретного (одного и того же) преступления, и все соучастники рассматриваются как соисполнители, поэтому и подлежат равной ответственности.

Аналогичная ситуация сохранилась и в период феодальной раздробленности (XII-XIV вв.). Псковская судная грамота содержит статью о разбое, совершённом шайкой. В данной норме роли каждого из соучастников не определялись, однако общественная опасность групповых преступлений подчеркивалась тем, что такие дела были подведомственны только суду князя [2, с. 21]. Позволим не согласиться с Е.В. Епифановой в том, что принцип ответственности нескольких лиц за нанесение побоев отличался от порядка, установленного Русской Правдой. Участвующие в причинении побоев несли ответственность в том же объеме, в каком отвечал бы за них один человек [2, с. 22]. Однако и в период действия Русской Правды всем лицам назначалось равное наказание, вне зависимости от того, сколько лиц приняло участие в преступлении, что следует из текста выше процитированных статей Русской Правды.

Таким образом, изначально уголовно-правовые акты регламентировали случаи совершения преступления несколькими лицами, не называя их соучастием и не выделяя различные виды участников по их ролевому признаку. Это было характерно не только для законодательства периода Русской Правды, но и судебников 1497 и 1550 гг., Сборника постановлений церковно-земского собора (Стоглав) [6, с. 13-14].

Крупнейшим памятником русского феодального права является Соборное уложение 1649 г. В нём сделан значительный шаг в развитии уголовно-правовых норм. По мнению А. Богдановского, всех соучастников Уложение разделяло на главных виновников, помощников, покровителей. Главными виновниками считались те, кто непосредственно совершал преступление (физически главные виновники) или же приступил к действию раньше других с самого начала преступления [Цит. по: 2, с. 27]. По-прежнему в законодательном акте такие категории, как «исполнитель преступления» или «главные виновники», не называются, используются различные определения в зависимости от вида совершаемого преступления: разбойники, тати и т.д.

В законодательстве Петра I в нормах о соучастии наблюдаются новые черты. Несмотря на уравнительный характер наказания, законодатель выделяет виды участников преступления, определяет их признаки, устанавливается общий принцип ответственности за соучастие, как за совместное, цельное участие в одном едином противоправном деянии [2, с. 33].

Следующий период характеризовался определением различных видов соучастников и закреплением их понятия, исходя из того, рассматривалось ли преступление как совершённое по предварительному сговору или нет. Так, согласно ст. 14 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [4, с. 175 – 176] «в преступлении, учинённом несколькими лицами без предварительного их на то согласия, признаются из участвовавших в оном: главными виновными, во-первых, распоряжавшие или управлявшие действиями других, во-вторых, приступившие к действиям прежде других при самом оных начале, или же непосредственно совершившие преступление; участниками, во-первых, те, которые непосредственно помогали главным виновным в содеянии преступления, во-вторых, те, которые доставляли средства для содеяния преступления, или же старались устранить препятствия, к тому представлявшиеся».

В преступлениях, учинённых несколькими лицами по предварительному их на то согласию, выделяются зачинщики, сообщники, подговорщики или подстрекатели, пособники. Черты главных виновников уже проявляются в зачинщиках, сообщниках. Таким образом, в чистом виде понятия «исполнитель преступления» не выделялось, черты исполнителя можно увидеть при описании роли других соучастников преступления. Кроме того,

при формулировании понятия главных виновников преступления происходит смешение роли организатора и исполнителя преступления.

После многолетней работы по подготовке проекта, начатой еще в 1881 году, 22 марта 1903 г. было утверждено Уголовное уложение, которое однако полностью так и не вступило в силу. Согласно ст. 51 Уголовного уложения 1903 г. в преступном деянии, учинённом несколькими лицами, согласившимися на его совершение или действовавшими заведомо сообща, соучастниками признаются те, которые: 1). непосредственно учинили преступное деяние или участвовали в его выполнении; 2). подстрекнули другого к соучастию в преступном деянии; 3). были пособниками, доставлявшими средства, или устранявшими препятствия, или оказавшими помощь учинению преступного деяния советом, указанием или обещанием не препятствовать его учинению или скрыть оное.

Таким образом, хотя термин исполнитель не употреблялся и в данном акте, но с уверенностью можно сказать, что впервые было дано обособленное определение исполнителя преступления, как одного из соучастников преступления. Это понятие фактически включало в себя два вида исполнителя преступления – непосредственного исполнителя и соисполнителя. Как отмечает В.Г. Усов, именно с этого времени можно говорить об исполнителе как об отдельном виде соучастника преступления, самостоятельной фигуре в совместно совершаемом преступлении. [6, с. 14].

Дальнейшая эволюция понятия исполнителя преступления связана с развитием советского законодательства. Обобщение уголовного законодательства и практики его применения первых лет советской власти нашли отражение в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. Данный акт в разделе «о соучастии» уже используют термин «исполнители преступления», которыми считались те, кто принимает участие в выполнении преступного действия, в чем бы оно ни заключалось. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. повторяет положения Руководящих начал в части закрепления понятия исполнителя преступления.

Основные начала уголовного законодательства 1924 г. не содержат понятия соучастников преступления, а лишь закрепляют в ст. 12, что меры социальной защиты применяются в отношении всех соучастников (подстрекателей, исполнителей, пособников) в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени участия в преступлении.

В основу общей части Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. были положены положения Основных начал 1924 г. Применительно к понятию исполнителя содержится более конкретная норма. В частности, в ст. 17 указывается, что меры социальной защиты судебно-исправительного характера подлежат применению одинаково как в отношении лиц, совершивших преступление, – исполнителей, так и их соучастников – подстрекателей и пособников.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. при раскрытии сущности исполнителя преступления добавляют указание на непосредственное совершение им преступления (ст. 17 Основ). Исполнитель выделяется как один из соучастников, наряду с организатором, пособником, подстрекателем. Аналогичное положение содержится и в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г.

По действующему в настоящее время законодательству, согласно ч. 2. ст. 33 Уголовного кодекса РФ исполнителем признаётся лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных Уголовным кодексом. Понятие исполнителя преступления включает в себя три его вида. Наряду с непосредственным совершением преступления и непосредственным совместным участием в его совершении, законодатель также называет и посредственное исполнение. Не будем углубляться в проблему обоснованности закрепления понятия исполнителя преступления именно в таком

виде, что является предметом отдельного исследования, в целом следует оценить положительно современное раскрытие такой уголовно-правовой категории, как исполнитель преступления.

Таким образом, законодательное закрепление такой категории, как исполнитель преступления, прошло путь от указания общих положений о возможности совершения преступления совместно несколькими лицами до попытки разграничения роли каждого из соучастников преступления. При этом наблюдалось смещение роли исполнителя и организатора преступления. Прогрессивные положения содержало в себе Уголовное уложение 1903 г., указывающее фактически на два вида исполнителя, что не нашло отражение в последующих законодательных актах. Термин «исполнитель преступления» впервые появился в законодательстве советского периода.

#### Литература

1. Всемирная история государства и права: Энциклопедический словарь / под ред. А.В. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 398 с.
2. Епифанова Е.В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002. – 229 с.
3. Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.
4. Российское законодательство X – XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. – М.: Юрид. лит., 1988. – 432 с.
5. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. – 800 с.
6. Усов В.Г. Понятие и ответственность исполнителя преступления. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 25 с.